

Н.Н. МИРОНОВА

ЙОКАНЬГА

Н.Н. Миронова

Йоканьга

Часть вторая

**Мурманск
2017**

УДК 82: 908 + 392
ББК 84 + 63.59
М 64

Редакторская работа: А.И. Шаборшина, О.В.
Корякова

Издание осуществлено в рамках государственной программы Мурманской области «Государственное управление и гражданское общество» на 2014-2020 годы, утвержденной Постановлением Правительства Мурманской области от 30.09.2013 № 555-ПП по заказу Государственного областного бюджетного учреждения «Мурманский областной центр коренных малочисленных народов Севера»

Без права продажи.

ISBN 978-5-91571-003-9

© Миронова Н.Н., 2017

«Йоканьга 2 часть из серии страниц забытых деревень»

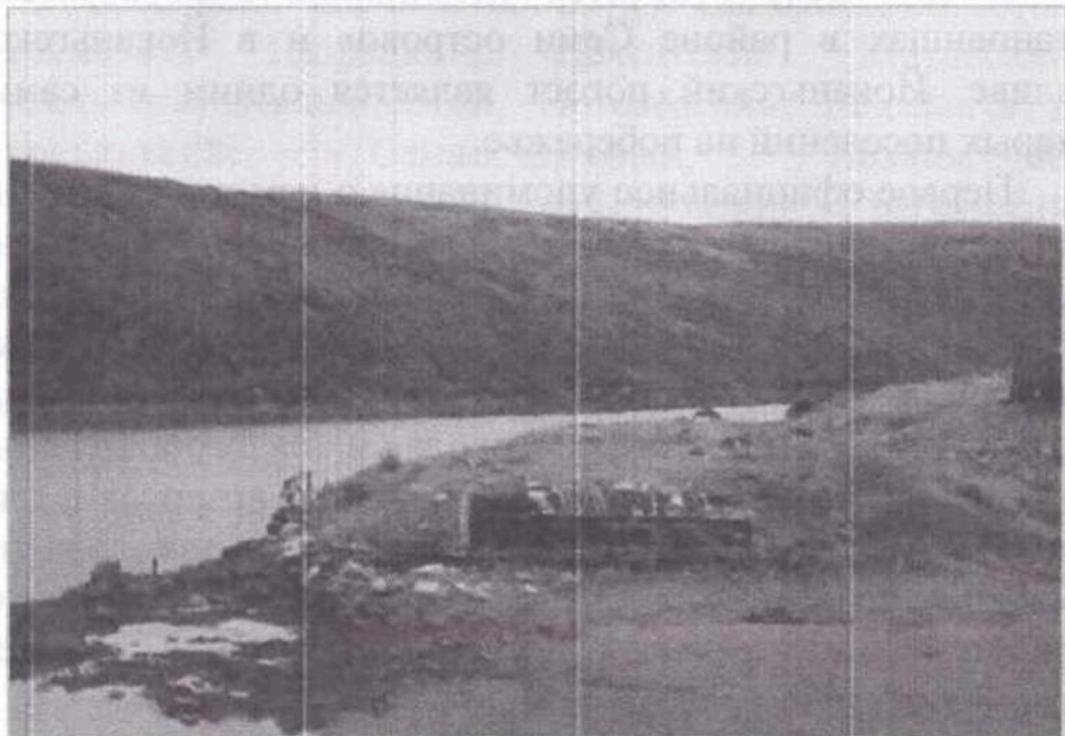
Родины себе мы не выбираем,

Имени себе мы не даем.

Землю, где родились и живем,

С детства отчим краем называем.

Флор Васильев журнал «Юность»

Деревня Йоканьга

Нельзя по-настоящему любить и беречь землю, на которой живешь, не зная, не интересуясь всем многообразием ее прошлого.

Поморы, жившие по берегам Онежского озера, уже в XII веке стали наведываться на Кольский полуостров. Они вели меновую торговлю с местным населением.

В 1496 году на Кольской земле побывал дьяк Григорий Истома и описал мыс Святой Нос следующими словами:

«Этот мыс есть огромная скала, вдающаяся в море, наподобие носа, а под ним видна водоворотная пещера, которая каждые шесть часов поглощает воду и с большим шумом изрыгает назад. Сила этой пучины так велика, что притягивала корабли и другие предметы, находящиеся поблизости, крутит и поглощает».

Это самое раннее письменное свидетельство, дошедшее до нас с далеких времен о плавании вдоль Северного берега Кольского полуострова.

К XVI веку относятся упоминания о корабельных становищах в районе Семи островов и в Йоканьгском заливе. Йоканьгский погост является одним из самых старых поселений на побережье.

Первое официальное упоминание о нем приходится на 1611 год. В 1608 году в Колу прибыли царский писец Адам Михалков и дьяк Василий Мартемьянович. Обидевшись на то, что коляне отказались дать им взятку, чиновники рьяно взялись за работу, включив в оклад много новых источников дохода и налогооблагаемых поселений. В результате сумма платежей возросла в пять раз. И уже в 1642 году Йоканьгские саами пожаловались царскому правительству, что к ним по несколько раз в год приезжают из Кольского острога сборщики податей, требуя повторной дани, а себе подарков.¹

В 1658 году Йоканьгский погост вместе с Понойским были пожалованы царем Алексеем Михайловичем Крестному и Воскресенскому монастырям. Но жизнь саамов от этого легче не стала, о чем свидетельствует челобитная патриарху Питириму в 1673 году.

Погосты в основном представляли собой очень маленькие поселения. В некоторых стояло всего несколько веж и проживало не более 10 человек мужского пола.

¹ Ушаков, И.Ф. Кольская земля: Очерки истории Мурманской области в до октябряского периода / Под ред. И.П. Шаскольского - Мурманск: Кн. изд-во, 1972 г. - 671с.

В начале XVII века на Кольском полуострове насчитывалось 15 саамских погостов (позднее их стало больше). Погостами называли как селение, в котором жили члены определенной общины, так и саму общину, а также территорию, ей принадлежащую: пастбища, охотничьи угодья, рыболовецкие участки. Самым крупным погостом был Понойский (30 жилых домов - веж), поменьше - Семиостровский (16 веж), Кильдинский (15 веж), Нотозерский (10 веж). Появлялись и новые погосты.

В XIX веке насчитывалось 17 саамских погостов: Нявдемский, Пазрецкий, Печенгский, Мотовский, Сонгельский, Кильдинский, Нотозерский, Масельгский, Вороньинский, Семиостровский, Йоканьгский, Ловозерский, Понойский, Екостровский, Бабинский, Орvezерский, Пяозеерский (по И.Ф. Ушакову).

Самым крупным из них считался погост Печенгский — около 80 жителей. В настоящее время остался только один погост — Ловозеро.

Одни воспоминания остались о той прошлой жизни, когда здесь жили Даниловы, Матрёхины, Койвины, Тихвины, Захаровы, Куроптевы.

Род Даниловых

*Наша Родина – суровая, скалистая страна:
Болота, сопки, сотни рек,
Но саами жили исстари,
Как говорят, из века в век.*

История нашей семьи, которая относится к древнему саамскому роду Даниловых, берет свое начало с 1593 года. Наш род испокон века жил в этом суровом крае. Об этом свидетельствуют архивные документы.

Наш дед, Данилов Прокопий Иванович, по характеру был добр, но очень строг к детям. Между членами его семьи сложились добрые отношения, а самое главное – почитание главы семьи – поителя, кормителя и добытчика.

Он любил во всем порядок, особенно во время обеда. По воспоминаниям моей матери, за столом все сидели, молча без шума и суеты. На стол всегда накрывала невестка. Главное место за столом, в центре, занимал дед. Сыновья сидели по бокам, затем жена, невестки. В первую очередь еда подавалась деду, все самое лучшее, а потом остальным.

Прокопий Иванович владел небольшой лавочкой в деревне, торговал бусами, материалом для пошива национальной одежды. За этим товаром он ездил в Архангельск на лодке, сопровождал его сын Николай, наш папа. Дед имел большое стадо, нанимал работников для его выпаса.

Данилов Фома Иванович, брат нашего деда, был более мягкий и добрый, вел свое хозяйство, занимался выпасом оленей.

От природы он был наделен хорошим музыкальным слухом. Сочинял музыку, песни, играл на гармони. В 30-е годы ездил выступать в Архангельск и в местные селения.

Статен, высок, да еще и гармонист, многие девушки посматривали на него. Но он выбрал скромную бедную девушку Александру, с которой прожил всю свою жизнь. Фома Иванович умер раньше своей жены, Александра долго жила одна. Я помню ее. Звали ее Фомихой, прозвище дали по имени мужа. С ранней весны до поздней осени она жила в чуме, который находился у озера в лесу. Очень хорошо знала тундру, повадки зверей, птиц. Ловила рыбу, собирала грибы, ягоды, затем сушила их к зиме по своим рецептам. В деревню приходила раза два в месяц за хлебом, солью, сахаром. Звали мы ее между нами тетей Саней. Бездол же деду, жену младшего брата тоже звали Саней. В жизни мы общались мало, так как я была еще совсем маленькая.

Еще более скромным был дядя Яша, брат моего отца. На его лице светились очень добрые голубые глаза. Как бы ни было трудно, он всегда улыбался, внимательно выслушивал тебя и давал дальние советы Мама, папа, тетя Саня и дядя Яша говорили между собой на саамском языке.

У дяди Яши и тети Сани был сын Альберт. Звали его Аликом. Мы с ним переписывались, когда я училась в институте. Как-то очень долго не было писем от него. Позже сообщили, что он трагически погиб в Ловозере.

Семья дяди Яши жила в деревне Йоканьга и Ловозере. Последние годы он жил в Йоканьге со второй женой Кузнецовой Марией Григорьевной, которая приехала к нам из села Пялица вместе с сыном Валентином. В качестве приданого она привезла козу, которая нас гоняла, особенно меня. Сколько раз я прыгала из окна в сугроб, так как не успевала закрыть дверь в комнату. Мария Григорьевна работала на ферме, доила коров. Была очень хорошим работником, имела много благодарностей и грамот.

После переселения из деревни они жили с дядей Яшой в Гремихе на небольшую пенсию колхозников. Приезжая в Гремиху, я заходила к дяде. Нет их уже в живых давно, но память о них живет в моем сердце.

Работники колхоза Йоканьги

Наш пapa, Данилов Николай Прокопьевич, родился 6 декабря 1903 года. Свое имя он получил в честь Николая Чудотворца, праздник которого отмечают 19 декабря.

Николай Прокопьевич никогда не рассказывал о своем детстве и юности, также не говорил и о родителях, как они жили, росли, чем занимались. Думаю, что дедушка брал их на охоту, на рыбалку, учил быть мужчинами. Я уже писала о том, что отец сопровождал деда в поездке в Архангельск на лодке. Учился он в Ленинграде, в Институте народов Севера на Обводном канале. Вот все что мне известно о нем до военных лет.

Данилов Николай Прокопьевич, 1955 год, г. Ленинград

Когда он ушел на войну, мне было четыре года, брату – два с половиной. Все тяготы войны отпечатались у нас с братом в памяти.

Папа вернулся зимой в 1946 году. Мне было уже почти 10 лет. Помню дружеские и теплые отношения между родителями. И нам было хорошо с ними. Папа работал после войны секретарем сельского совета, заведующим сельским клубом, заведующим колхозным складом, оленеводом. Они пасли стада оленей, перевозили их с летних пастбищ на зимние, возили грузы из Гремихи, продукты, сено по приходу парохода. Даже принимали участие в Празднике Севера, выступая на оленьих упряжках. Конечно, оленей готовили заранее.

Оленеводы Йоканьги (Куроптев Григорий, Матрехин Федор)

Однажды мы с папой ехали на таких оленях в Гремиху после зимних каникул. Скорость страшная, комья снега летели из-под копыт, папа ловко управлял оленьей упряжкой. После такой дороги я с восхищением смотрела на него.

Были дни, когда папа приезжал домой до темноты, и мы с ним ездили в тундру недалеко от дома, оставляя каждого оленя на своем месте. Особенно там, где на взгорье олени могли достать ягель из-под снега.

Оленей часто оставляли у дома, ослабив упряжь, потому что оленеводы опасались волков, которые подходили к деревне. Часто ездили на оленях за березовыми дровами.

Очень уж интересное животное – олень, чуткое и доброе. Если он видит доброе к себе отношение, то позволит постоять возле себя, погладить его, что часто делал папа.

Как-то папа привязал оленей недалеко от дома. Утром мы пошли к ним, но какого было наше удивление, когда вместо пяти оленей, остался один – вожак. Как его называют, передовой. От него очень многое зависело в поведении оленей. Запрягли его и пустились на поиски других по дороге, которую выбрал сам вожак. Вскоре все олени были найдены.

Как-то на весенние каникулы папа взял меня на ночное дежурство. На место мы приехали вовремя. Стадо было очень большим, все время находилось в движении. Неподалеку от стада стоял чум, из которого шел тонкий дымок, вероятно, в чуме горел костер, и на таганке кипел чайник. Когда папа принял дежурство, мы с ним перекусили тем, что привезли из дома, попили чай. До чего он вкусный в чуме!

С улицы доносился голос отца, лай собак и какой-то сильный топот. Я вышла из чума, было светло, сверкал снег. Рядом с чумом стоял папа, оленье стадо находилось рядом, двигаясь, как живой организм.

Полюбовавшись зимним пейзажем, я вернулась в чум. Чай еще был горячий. Согревшись, я уснула. А папе пообещала, что всю ночь буду с ним бодрствовать, охранять с ним оленей. Ночью папа заходил в чум, грел себе чай, но я спала и ничего не слышала. Мы были в стаде до вечера следующего дня. Мне очень все понравилось. Было что рассказать подружкам после каникул.

С папой мы ездили в тундру и по его колхозным делам, у него была винтовка, которую он называл дробовкой, и учил меня стрелять. Папа очень подробно рассказывал, как надо держать ружьё, как выбирать цель. Первый выстрел по баночке был неудачный, второй – лучше. Следствие – огромный синяк на руке выше локтя.

Папа учил меня ловить куропаток. Он считал, что старшая в семье должна все уметь делать. Мне нравилось ставить силки и проверять их после занятий в школе.

Лес находился слева от большого озера. Конечно, одной страшно было бежать туда, казалось, что за березками в лесу кто-то есть.

Куропатки очень интересные птицы и не всегда их можно было увидеть. Услышав шорох, они с ветки бросались в снег, глубоко утопая в нем, а потом, «выпливали» из снега совсем с противоположной стороны и сразу улетали. Если мне сопутствовала удача, я довольная, возвращалась домой.

Перо и пух куропаток применялись в быту. Из мяса мама варила вкусный суп. Спинки от варёной куропатки служили нам, детям, кроваткой для наших кукол.

Папа помимо куропаток охотился и на песцов, лис, медведей.

Уже после выхода на пенсию папа, приезжая в деревню, где жили его друзья, часто ходил в лес, собирая ягоды, грибы. Жил он в доме, сохранившемся после переселенцев. Вот тогда-то и произошла история с медведем.

Рано утром папа собрался в лес за морошкой, все ложбины были ему знакомы. Осень уже наступила, было прохладно. Вдруг папа увидел в начале одной ложбины человека, который то поднимался, то нагибался снова.

Папа подумал, что он собирает морошку. Ложбина была большая. Он подошел ближе и к своему ужасу обнаружил, что человек оказался медведем! Чуть ли не бегом пустился отец за ружьем в деревню. По пути домой успел сообщить мужчинам о медведе. Один из них оказался шустрее папы. Подсуетился раньше и убил медведя, продал и выручил за него деньги. Вот так прошла медвежья охота у папы.

Молодежь Йоканьги, заготовка веткорма, 1950 г.

Каждое лето под руководством моего отца вся наша молодежь, которая учились и работала, принимала активное участие в заготовке кормов для животных.

Молодежь Йоканьги на сенокосе, на фото бригадир Данилов Николай Прокопьевич, справа от него Керт Георгий Мартынович, он берет интервью у молодежи на знание родного языка, 1948-1950 гг.

Мы работали бригадой. Она состояла примерно из 13-15 человек. Работа нам была знакома, так как еще в начальной школе мы работали на сенокосе, косы тогда были выше нас, а наш рост метр или метр двадцать. Сколько было порезов на руках от точки кос — не сосчитать. Работали мы достойно, нами и нашей работой в деревне были довольны.

Сейчас мы все повзрослели и знали трудности этой работы, но очень радовались встрече, свежему воздуху, солнцу. Жили на сенокосных местах в чуме, в палатках, домике на большом острове у озера. Какая красота! Кругом заливные луга, яркие цветы, зеленая трава, невысокий, но густой лес.

Вместе с нами жила рыболовецкая бригада, ловила семгу, щуку, сигов. Ее сдавали на факторию, которая находилась в самом начале озера, затем увозили на лошади в деревню, где ее солили и отправляли по назначению.

День начинался с завтрака, затем шли на сенокос. Если погода была солнечная, трава быстро высыхала, после обеда переворачивали, делали копны, а уже потом складывали их в зароды.

Уж очень нам нравилось работать на зародах. Папа с нами всегда проводил инструктаж о пользовании косой, о том, как правильно ее точить. Вернее, точил он сам. Особенно папа помогал при сборе сена в копны и зароды. Он был очень внимательным к своей бригаде. Честно говоря, мы очень уставали. В редкие часы отдыха мы купались. А вечером папа нас баловал своей ухой.

В субботу после обеда многие девчонки уходили в деревню — это 9 км пешком по тундре. В воскресенье возвращались. Я оставалась с папой. Мы с ним на лодке уезжали далеко. Он знал место, где много сигов.

А вечером у костра мы жарили их на палочках. Такой вкусной рыбы я никогда не ела и такой вкусный чай, как у костра, не пила.

Жительницы Йоканьги (Кострова Екатерина, Матрехина Екатерина)

Из деревни нам привозили баками молоко, кефир, творог, сметану, хлеб, а потом вычитали из трудодней.

Но, несмотря на все трудности, время за работой проходило очень быстро и весело. Всему причина – молодость. Отпускали нас в 20-х числах августа. Мы еле успевали приехать на занятия.

Это, наверное, последний эпизод из моей жизни, связанный с папой. Я его очень любила и никогда не забуду эти темные ночи, когда папа вместо того, чтобы спать, рассказывал сказки. И все время спрашивал:

- Нина, дочка, ты спиши, устала слушать?
- Конечно, нет, - отвечала я.

Разве можно уснуть, когда папа рассказывал сказки. И как грустно было расставаться с родными на время учебы.

Последние годы папа жил в поселке Гремиха. Он простудился в деревне, куда часто ездил, вероятно, скучал по родным местам. Умер в больнице 11 октября 1971 года.

Спасибо тебе, папа, за все: за твое доброе, отеческое отношение к нам, твоим детям, за заботу о нас, за мирное небо над нами.

Данилова Мария Ивановна, фото сделано в 1955г., г. Ленинград

Моя мама, Данилова Мария Ивановна, была добродушной, умной и трудолюбивой женщиной, у нее накопилось много грамот и благодарностей. Она работала на овцеферме заведующей. В ее обязанности входило очень многое: позаботиться о кормах для овец, о тепле, о молодняке, о выпасе, о рабочей силе и многое другое.

На ферме было более 100 голов овец. Все они размещались в овчарне, в стойлах по 5-6 голов.

Овчарня была большим длинным одноэтажным зданием. Зимой в нем было тепло, так как каждое утро одна из работниц топила печи, а летом помещение хорошо проветривалось. За овчарней находилось не топкое болото, а за болотом – озеро. Большое и очень красивое.

Работники колхоза Йоканьги (Данилов Иван Николаевич, Данилова Мария Ивановна, Матрехин Александр Александрович, Матрехин Геннадий Александрович, Телышев, Куроптев, Кузнецов Валентин)

Колхоз наш восстанавливался в послевоенные годы не так быстро, как хотелось, не хватало рабочих рук, с войны вернулись не все. Поэтому дети часто заменяли взрослых на многих колхозных работах. Осенью, пока было не совсем холодно, коров и овец отправляли пастись в тундру. Я часто за маму выходила пасти овец.

В сентябре обычно стояла пасмурная погода, но в конце месяца проглядывало солнце. В лесу в это время было полно грибов, ягод, за ними и шли овцы. Устав, одна из них устраивалась отдохнуть, а потом и другие. Место выбирали безветренное – за скалой, обросшей травой и карликовыми березками. Как-то я тоже решила прикорнуть у камушка. Прошло, наверное, полчаса, я осмотрела стадо,

только хотела отдохнуть, как одна овечка, потом другая стали подниматься, но, видя, что я тоже отдыхаю, они снова опустили свои головы минут на десять.

Жители Йоканьги

Будучи студенткой, я часто за маму выходила с рыболовецкой бригадой на тоню, проверять невода. Очень тяжело было нам девчонкам тянуть невода вместе со взрослыми мужчинами. Бригадир, Никита Егорович Титов, участник Великой Отечественной Войны, был очень добрым человеком, постоянно нас в шутку пугал, что если в неводе не будет рыбы, то он нас искупает в реке. Испуг свой мы не показывали, смотрели в воду, а она такая темная была. Теперь я знаю, что темнота – это признак глубины. Выезжали в полночь и были на реке до четырех часов утра, а иногда приезжали в шесть часов утра. Проверив невода, выходили на берег, забирались повыше на склон горы. Солнце не заходило совсем. Это было здорово, чудесно, и рыбы в невода попадало предостаточно.

Данилов Иван Николаевич (братья Мироновой (Даниловой) Нины)

Мой брат, Данилов Иван Николаевич, родился 17 апреля 1939 года в деревне Йоканьга. Родился сильным здоровым малышом, но очень плаксивым. Я сколько помню, он все плакал. Мама работала, папа тоже, а мне было неполных три года. В то время мамам не давали дородовых и послеродовых отпусков. Вероятно, накормив Ваню грудью, мама уходила на работу. Часто она говорила, что она устала и хочет спать.

В июне 1941 года началась война, вместе со всеми мужчины папа ушел на фронт. Мы остались с мамой. Очень трудно было ей. Она из всех сил старалась создать благополучную атмосферу в семье, продавала кое-что, меняла, шила и работала с утра до позднего вечера. Были страшные бомбежки. И я бегала в бомбоубежище самостоятельно. Мне было уже 5 лет, а Ване было почти 3 года, прошли его капризы, плачи. Он был очень спокойный.

Как он учился в школе, я не помню. Играли с ним на улице с ребятами, катались на санках, он помогал мне в ловле птиц. У Максима Горького, моего любимого писателя, в повести «Детство» есть отдельная глава «Ловля

птиц». Вот оттуда мы прочитали, как ловить птиц. Брали железный обруч от деревянной бочки. Ваня помогал мне натягивать на него сетку, привязывали веревку в окно, а я сидела с веревкой в руке и ждала. Когда под обруч не прискакет воробей.

Этими воробьями мама лечила мне ноги. Брала птичку в руки и крутила вокруг моих ног, приговаривая: «Лети, воробушек и унеси все болезни с ног моей дочки».

Жители деревни Йоканьга (Матрехина Нина, Матрехина Зоя, Задорина Зоя, Матрехина Тамара, Койвина Матрена с ребенком Диной, Данилова (Миронова) Нина) 1949 г.

В детстве мы с Иваном любили кататься на лыжах, у нас была одна пара лыж, и мы часто ссорились из-за того, кому она достанется. Все ссоры заканчивались миром. После четвертого класса Ваня стал учиться в Гремихе, жил в интернате. Окончив школу, выучился на тракториста, работал в колхозе. Он очень любил математику, технику. Был комсомольцем. Особенно выделялся на покосе сена. За что имеет благодарность от райкома комсомола и похвальные листы.

С группой ребят, среди которых был Владимир Долгих и Анатолий Захаров, по направлениям колхоза он уехал учиться в среднее профессионально-техническое училище города Зеленогорска Красноярского края. Приехали ребята домой с дипломами трактористов широкого профиля. В армию Ваня не пошел по состоянию здоровья. А ведь тогда служба в армии очень ценилась. Отслужить в армии было подобно хорошей женитьбе. Все расстроились, особенно мама. Ваня уехал в Гремиху, устроился работать в участок дорожного строительства, получил комнату. Работал на совесть, его хвалили. Мог по слуху определить, что с трактором было не в порядке. Мама очень часто ходила пешком из Йоканьги в Гремиху к Ивану, прибиралась у него, стирала, а вечером возвращалась домой, иногда оставалась на ночь.

Когда мама с папой переехали из деревни в Гремиху, им дали две комнаты в баракном доме, Иван стал жить с родителями. После смерти отца маме дали однокомнатную квартиру в пятиэтажном доме, который тогда строился. Квартира с удобствами – это хорошо, но однокомнатная на взрослого мужчину и престарелую мать – плохо.

Тяжелая жизнь, военные годы, дали о себе знать нашей маме. В последние годы она часто уезжала из Гремихи то ко мне в Умбу погостить, то к сестре в Причальное или в Мурманск.

О Гремихе

*У белоснежного залива,
Где ветры воют круглый год
Гремиха – город заполярный
В суровой строгости встает
И этим именем Гремиха
Назвали город неспроста,
Не знает он погоды тихой
Здесь ветра шум и грохот льда
Мы этот город не забудем
И где бы мы ни были с тобой
Мы помнить будем – Гремиху – город наш родной.*

(автор неизвестен.)

«Путь саамской девчонки к храму науки»

После окончания школы мы ехали в Гремиху для продолжения учебы. Все приезжие жили в интернате. Это было одноэтажное здание с комнатами для мальчиков и девочек.

Здесь были дети с Варзино, Дроздовки, Териберки, Сосновки, Поноя, с воинских частей и Святого носа – маяка на берегу Баренцева моря, с Лумбовки. Здание интерната находилось на улице Комсомольская, рядом располагался Дом культуры, военный госпиталь и средняя школа десятилетка.

У нас была столовая, кухня, очень добрые работники, особенно тетя Нюра. Заведующая интернатом, Шебунина Елена Ильинична, всегда предупреждала нас о каких-либо комиссиях. Например, по питанию. Кормили нас хорошо. Однажды они к нам и пришли. Всех собрали в столовой и стали разговаривать, вопросы задавать.

Мы отвечали бойко о том, как живем, учимся, готовим уроки, ходим в баню каждую субботу, питаемся хорошо.

Помню, как члены комиссии смеялись, глядя на мои пухлые щеки, говорили, что видят, как здесь хорошо кормят.

Шебунина Елена Ильинична – заведующая интернатом

В комнатах было чисто, дежурные работали. Члены комиссии услышали обо всем, что нужно, и вскоре ушли. Елена Ильинична, осталась довольна нами.

Вечерами чистили картошку, полведра съедали. Тетя Нюра просила нас не есть картошку, а за это она нам давала хлеб и лук с солью.

Как-то зимой был карантин, так как многие болели скарлатиной. Я тоже болела, на улицу нас не выпускали. Гуляли только после ужина на закрытой территории. Приходили учителя и приносили задачи, если у детей не было температуры, то отправляли в школу. Врач все время была с нами. Кажется, карантин длился 20 дней, закончился перед зимними каникулами. Отметки были

выставлены, и мы разъехались к своим родными очагам.
Дома ждали родные.

Воспитанники и ученики интерната

Каникулярное время проходило очень интересно: лыжи, санки, игры на улице, кино, танцы для старших детей.

Вениамин Волов, деревенский мальчишка, готовил нам горку почти рядом с моим домом. Горка была такая высокая, что, не подняв голову, не увидишь ее высоты. Веня каким-то образом полил ее водой, она блестела на уже восходящем солнце и ночью при свете луны. Катались на ней и днем, и ночью. Родители разрешали, так как были каникулы. Особенно было интересно с нее скатываться на оленьих санях. Нас детворы было много, тащили эти сани на гору, на самую вершину, садились на них, закрывали глаза и мчались вниз. Страшно было. Ночью катались на

санях тихо, без смеха и крика. Но редко нам это удавалось – скрыть наши эмоции, которые рвались наружу. Иногда сани ломались и нам за это очень попадало.

Учащиеся интерната (Горбунцова Тоня, Матрехина Нина, Данилова Алла, Абросимова Лida, Матрехина Зоя, Света, Койвина Анна, Данилова (Миронова) Нина)

По окончании каникул папа меня отвозил в Гремиху на оленях, если ему нужно было везти груз по приходу теплохода, а то мы шли пешком, двенадцать километров, к вечеру всегда приходили. В интернате нас всегда ждали раньше, но приходили мы прямо к учебе.

И вот снова начинались занятия. Съезжались ребята, девчонки, привозили вкусняшки из дома. В нашей комнате было восемь человек среди них Шухтины с Маяка, который находился недалеко от Святого Носа.

Нина и Аза учили нас пить сырые яйца, убеждая, что это очень полезно, но мы такой еде не поддавались. Мы же их угождали вареным мясом да черными сухариками с мороза.

Йоканьгские жили отдельно от варзинских девчонок, бывало, что ссорились с ними. Но на занятиях и в интернате были дружные. Помню Настю Павлову (Мозалевскую), Тамару Харлину, Лилю, Костю Елисеева, Ольгу Захарову и других.

Уроки учили в комнатах, в столовой. Было по пять-шесть уроков, дополнительные занятия, пионерские сборы, комсомольские собрания, собрания для родителей детей, живущих в интернате.

Абросимова Лида, Заварина Шура, Павлова Настя, Волова Эльза,
Данилова (Миронова) Нина, Харлина Тамара

*Время учебы в интернате 1947-1950 гг., на фото: Койвина Анна,
Матрехина Ольга, Данилова Евдокия*

Я очень любила уроки немецкого языка, историю, литературу, географию, остальные предметы учila, потому что надо. Особенно боялась арифметики (сейчас математика). Никак не получались у меня задачи на движение. Но экзамены по математике и русскому языку сдавала хорошо.

По русскому языку диктанты мы, девчонки – саами, Нина Матрехина, Секлетея Матрехина, Нина Данилова

(Миронова), писали всегда на «4» и «5». Выделялась Секлетея, у которой было почти всегда «5». Нас хвалили. С нами учились Саша Матрехин, Любомир Данилов, Володя Кучков. Ребята как-то быстро из школы уходили, потом работали в колхозе. Из девочек с нами учились Зоя Матрехина (Кузнецова), Дуся Данилова, но в других классах.

В 7-8 классах я полюбила геометрию, а затем и тригонометрию, химию, физику. А до старших классов мы сдавали экзамены и по ботанике. Вот уж кроме незабудок, колокольчиков, ромашек я ничего не знала хорошо.

Какой был ужас, когда я зашла в кабинет ботаники, сдавать экзамен. Но ничего, сдала на «5». В кабинете было так красиво от множества цветов, так по-своему уютно, спокойно. Учительница Валентина Андреевна светилась добрыми глазами. Другой отметки и не должно было быть. В 8 классе со мной учились Сергей Шаляпин, Лида Сверчкова, Римма Бутявина, Рита Коган, Володя Соловьев, Миля Зубова. Ребята очень хорошие, дружные, большинство из военных семей. Дружили, в походы ходили. Помню, как с Милей готовились к экзамену по физике ночью на крыше сарая.

Не успели закончить учиться, как я получила направление в Ленинград. Я должна была там учиться в 9 и 10 классах, а дальше выбрать факультет. Моей радости не было предела. Я сразу себя почувствовала взрослой, самостоятельной.

Мои студенческие годы и учеба в Ленинграде

Я получила путевку в жизнь, во взрослую жизнь. Надо было собираться в дорогу. Как обычно, медицинская справка о состоянии здоровья, документы об окончании 8 классов, вызов, паспорт. Радость омрачалась расставанием с родными людьми.

19 августа 1953 года мы должны были быть в Институте имени А.И. Герцена. Со мной по такому же направлению ехала Павлова Анастасия Елисеевна. Она закончила 7 классов. Из дома провожали мама, подружки.

В Гремихе купили билеты на теплоход и в этот же день и уехали.

Очень интересен путь девчонок саами к храму науки.

Теплоход почему-то шел очень медленно, был небольшой шторм, нас укачивало. На пирс вышли еле

живые с желанием попить горячего чая. Но мы были не дома и нас никто не встречал.

Пошли к горисполкуму, как было написано в направлении. Долго плутали, но нашли. Ждали долго, сидели на скамейке, боясь отойти, так как должна была подойти женщина с билетами на поезд, который отходил вечером. Места у нас были боковые – одно верхнее и одно нижнее.

Мы с Настей устроились на верхней боковой полке вдвоем, так как в вагоне ехало очень много моряков, а мы были очень стеснительными и боязливыми. Только перед самым приездом в Ленинград к нам подошел один моряк и попросил спуститься вниз, сделать дела и попить чай, который он подготовил, а всех из нашего вагона увел в вагон-ресторан. Потом узнали, что ребята демобилизовались и возвращались домой.

Мы никогда не были в больших городах. Ленинград стал первым. В дорогу было дано много советов, наказов – выйдя из вагона, следовать за пожилым человеком. Что мы и сделали. Дядечка с большой седой бородой с палочкой шел бодро, быстро.

Осмотревшись, спросили у него, как доехать до Ленинградского института имени А.И. Герцена. Он махнул рукой влево и продолжил идти дальше. Мы повернули налево и увидели небольшой домик. Это было справочное бюро, где нам дали бумажку с надписью «авт. № 3», что означало автобус номер 3. От московского вокзала доехали до остановки ул. Герцена. Дальше до института шли пешком, пересекли речку. Это была речка Мойка. Вскоре мы оказались у института, но, к сожалению, было воскресенье, и все интересное откладывалось на завтра.

Нас отправили в общежитие, которое располагалось на улице Желябова. Мы шли и любовались городом.

*Общежитие студентов на ул. Желябова, дом 27, на фото
Виноградова (Матрехина) Ирина и Данилова (Миронова) Нина*

Кругом зелень, аллеи, деревья, цветы. А город? Город большой, машин много, а людей не счесть.

Пересекли Невский проспект, дошли до общежития. Приняли нас хорошо, выделили комнату, где были кровати железные, матрасы и подушки без белья, стол, стулья. А нам так хотелось есть и чаю попить. Уставшие, мы моментально заснули, думая о завтрашнем дне.

Утро началось с завтрака в столовой у Казанского собора, затем поездка в автобусе на санобработку. А по возвращении домой нас ждал обед и чистое белье на кровати.

Мне очень понравилось ездить на автобусе по городу. И я напросилась быть сопровождающей ребят на санобработку. Сделала несколько рейсов, забыв про обед и про ужин, по дороге домой проехала свою остановку. Уж очень красив вечерний город. В общежитие пришла вовремя, была очень довольна поездкой.

Когда еще не было занятий, я писала письма домой о городе, об улицах, парках, где мы гуляли с девчонками. Рядом с нашим общежитием был театр миниатюр Аркадия Райкина, Дом Ленинградской торговли. Каких товаров там только не было. В течение учебных дней мы были там несколько раз на ревизии и в театре эстрады Райкина. Нас, студентов, приглашали на концерты бесплатно. Очень уставали ноги от ходьбы по асфальту после мягкой земли с зеленой травой. Но надо было привыкать. Обо всем этом я писала домой. Письма составляли несколько страниц.

Однажды произошел такой случай.

Пообедав, мы вышли из столовой и направились к переходу через Невский проспект. Я взяла котлету с черным хлебом. Дойдя до середины, я ее уронила. Решила поднять и услышала голос за спиной. Когда я повернулась, то водитель в одном из автомобилей за мной спросил, не из деревни ли я. Я так обрадовалась и ответила: «Да, из деревни Йоканьга. Вы ее знаете?». В этот момент я услышала крики со стороны: «Нина, Нина, скорее, переходи дорогу! Смотри, сколько машин!»

Словно очнувшись от шока, я бегом бросилась к девчонкам. Потом мы долго смеялись над этой историей. Так мой ужин был без котлеты.

Очень много после обеда гуляли по городу. Знакомились с ним, любовались его улицами, парками, площадями, высотными зданиями.

Куда ни посмотри — всюду достопримечательности: Ростральные колонны, Адмиралтейство, Зимний дворец,

Петропавловская крепость, Марсово поле, Летний сад, гранитные набережные....

Особенно поразили Александровская колонна на Дворцовой площади, Казанский и Исаакиевский соборы.

*Александровская колонна, прогулка во время учебы в институте, на
фото: Матрехина Ирина и Данилова (Миронова) Нина*

На протяжении всей учебы мы посетили их все, изучили подробно. Эти воспоминания останутся в сердце навсегда.

Студенты института

Совет студентов

Начались занятия. 9 «А» класс. Нас было много детей со всего СССР: из Сибири, Дальнего Востока, Камчатки,

Сахалина, Ненецкого национального округа (как тогда назывался Ненецкий автономный округ), Якутии, Ямала, Эвенкии, Мурманской области. Живая географическая карта.

У нас было два 9 класса. Поначалу приглядывались друг другу, знакомились. До чего все ребята были добрые. На классных собраниях нам давали поручения. Меня включили в группу редакции, было непросто, но мы справлялись.

Жили все в общежитии на улице Желябова. В комнатах нас было по четыре-пять человек. Старшие ребята жили по два-три человека. В комнате стояли кровати, стулья, шифоньеры, на окнах тюль, радио. Комнаты располагались на пятом этаже. Мы иногда это расстояние пробегали очень быстро.

В общежитии были все удобства для студентов: рабочая комната, столы, стулья, диван, на столах шашки, шахматы, газеты, журналы, телевизор. Там можно было готовиться к занятиям. Коридоры были широкие. На стенах висели фотографии лучших студентов, географические карты, информация о спортивных мероприятиях по футболу, волейболу, объявления.

Студенты сами наводили порядок в общежитии: мыли окна, стены в комнатах, коридорах, полы красили мастикой. Для удобства студентов в общежитии была небольшая кухня: столы, плита, посуда и прочая утварь.

Площадки между правым и левым крылом были большие, в субботу и в воскресение здесь проводили танцы и различные праздники. Какие только игры не проводили массовики. Особенно была интересна игра «Почта».

Выпускались интересные праздничные стенгазеты. Просто чудо! После танцев сибиряки устраивали небольшой концерт. Они почти все приезжали с баянами,

аккордеонами. Песни о Сибири приходили слушать и студенты с нижних этажей. Вот в таком окружении я жила.

Ученики 9 «А» класса

Были у нас и воспитатели, которые устраивали рейды по чистоте в комнатах, по поведению. Иногда к нам заходил декан Никулин Гаврила Никандрович.

Это был замечательный человек, настолько добрый, внимательный к нам. Я его позже стала называть вторым отцом. Именно он вызывал и давал направления на учебу в институт. Большое ему спасибо. К нему можно было

обратиться по любому поводу, зайти, посоветоваться, поговорить. Уходили от него всегда окрыленными.

*Свердлова (Мечкина) Екатерина, Матрехина (Воронова)
Октябрьина, Данилова (Миронова) Нина, Павлова (Мозалевская)
Анастасия, Данилова Валентина и Люба*

Итак, занятия проходили в аудиториях, специальных кабинетах: химии, физики и других. Иногда два класса соединяли. Расписание было такое же, как в школе, но не было занятий по иностранному языку. Они заменились преподаванием родного языка. Саамский язык в 9 классе преподавал Георгий Мартынович Керт, а в 10 классе уже вели английский язык. У меня была пятерка.

Интересны были уроки химии. Валентина Андреевна побывала на войне, пережила блокаду Ленинграда. Была строгая к себе, к нам, требовательная к знанию предмета, и

в то же время любила пошутить на уроках. Ее предмет нельзя было не знать.

На экзамене мне попал билет: получить реакцию серебряного зеркала и решение задачи. Ассистентом была на экзамене Мария Оттовна Орбели, жена директора Зимнего дворца. Вела у нас уроки математики, давала отличные знания. По химии я получила «5» и в аттестате «5».

Данилова (Миронова) Нина, в аудитории во время перерыва, 1957 г.

Я всегда боялась уроков математики, а тут с таким удовольствием занималась геометрией, тригонометрией. Экзамены сдала на «4».

Помню Тамару Николаевну Травину – учителя физики. Очень добрый, спокойный и хороший человек.

Уроки проходили хорошо. Любая задача объяснялась толково и спокойно.

А вот уроки литературы были для меня уроками живой встречи с писателями, поэтами. Учителем по литературе была Голуб Любовь Александровна. Все у нас было: экскурсии, встречи. Недаром я пошла на филологический факультет. Хотя Валентина Андреевна мне советовала выбрать химфак. Остальные уроки: история, география, физкультура проходили отлично.

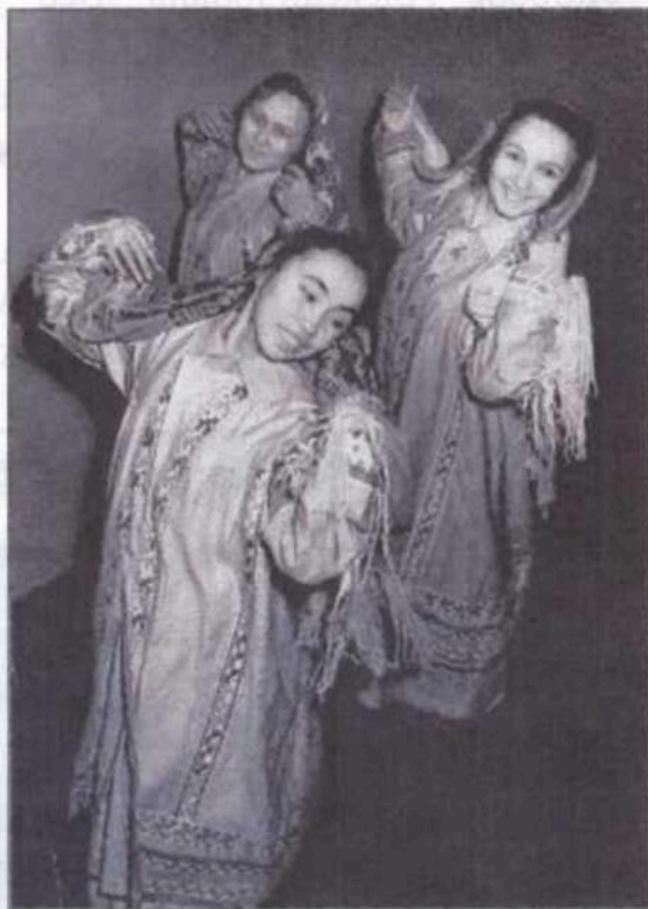
Занятия, спорт, танцы, общественные дела, классные поручения занимали все свободное время. Мы успевали ходить в кино, гулять по городу, кататься на коньках.

Руководитель хореографии Петрова-Бытова Татьяна Федоровна

Мы занимались хореографией в фольклорном театре студии «Северное сияние». Её создатель Бытова Татьяна Федоровна, заслуженный работник культуры РСФСР,

педагог, страстный пропагандист северной культуры. Под ее руководством из кружка национальной самодеятельности ансамбль вырос в большой творческий коллектив.

1955-1960 гг. ансамбль «Северное сияние»

К выпускному вечеру мы подготовили программу с песнями и танцами. Сумели создать свою композицию. Вечер прошел волшебно. Мы были на Неве, смотрели, как разводят мосты. И хотя это было не в первый раз, тот вечер запомнился особенно.

Жить и учиться было интересно, но трудно вдали от дома и родных. Ночью просыпалась и думала, как они без меня, ведь я старшая. Успокаивало, что они живы и здоровы, ждут меня.

Участники ансамбля «Северное сияние»

Летом все студенты уезжали в летний лагерь отдохать, чаще всего в Вазгелово или Парголово.

Я всегда уезжала домой в деревню Йоканьга. В письмах подружки писали, что определили меня на время летней страды в такую-то бригаду косить и убирать сено на островах, но кроме того, готовили и веткорм.

Так закончилась средняя школа, аттестат был на руках. Отметка «4» только по геометрии, остальные «5».

Я выбрала литературный факультет, сдала документы и заявление на кафедру и со спокойной душой поехала домой на каникулы.

О том, как мы работали на островах, я писала. Никогда не забуду одно лето, когда я, не умея плавать, в лодке «сопровождала», мне так казалась, большую корову на другой остров. Грести я могла, то есть ловко управляла веслами, а вот плавать еще не умела.

Первое сентября 1955 года. Мы стали студентами 1 курса литературного факультета Педагогического института имени А.И. Герцена.

Наш курс состоял из двух групп по двадцать-двадцать пять человек. Старостой была Банаканова Евдокия, человек уже взрослый, поработавший в школе в начальных классах, строгая и принципиальная. После первого курса она уехала, вызвал муж. Затем была выбрана Шевелева Татьяна Николаевна. Часто делала нам поблажки. Курс был дружный, активный, веселый. На первом курсе мы поздравили мальчиков с 23 февраля веселым концертом и чаём с тортом, а ребята на 8 Марта купили нам билеты в цирк. Радости не было конца.

Помню, как девчонки для приобщения к театру, музыке купили билеты в Филармонию, я чуть не уснула. Стыдно было, но что поделаешь! Девочка тундры не слушала классической музыки. Там, где я жила, были крики чаек, шум леса, грохот волн. Но для того, чтобы лучше знать, понимать, любить музыку на 4 и 5 курсах, купила абонемент на концерты под руководством Мравинского, известного дирижера. Вначале была беседа, а потом звучала музыка. Все было здорово.

Часто мы посещали учреждения культуры, особенно мне нравился «Русский музей» и Дом-музей А.С. Пушкина, где он жил в последние годы.

На экскурсии в г. Пушкин

Студенты первого курса на экскурсии в г. Пушкин, 1955 г.

Занятия начинались в институте с 8 часов и продолжались до 16 часов, лекции длились по 50 минут с перерывом на 10 минут.

Аудитории были большие, светлые. У каждого факультета был свой кабинет, где можно было заниматься дополнительно, прочесть свежую информацию по предмету.

Кормили нас бесплатно, то есть мы, северяне, были на государственном обеспечении. Со стипендии сколько-то высчитывали. То, что мы получали на руки, тратили на канцелярские товары и товары для дома. В первый день стипендии покупали конфеты «Кавказские», магазины были рядом. Родители мне один раз отправили деньги. Я купила теплую кофту, румынки, пуховый платок. И больше для себя ничего не покупала. Для поездки домой я сдавала платье, туфли в ломбард. А, приехав из дома, покупала всё новое.

Студенты Института народов Севера: Кейметинов Василий, Данилова (Миронова) Нина, Малкова Катя, Аксенова Даша

Преподаватели к нам относились с пониманием и доброжелательностью. Много нового я узнала на лекциях

по литературе XVIII – начала XX веков, народному творчеству, старославянскому языку, современному русскому языку, на практических занятиях, уроках чтения.

Психология, литература устного творчества, родной язык – все эти предметы также были в учебной программе.

Нас учили правильно читать стихи русских и зарубежных поэтов. Особенно на этих занятиях я запомнила Василия Кейметинова. Он так читал стихотворение Пушкина «К морю», как будто бы вместе с автором переживал его чувства.

На семинарских занятиях по истории, политэкономии всегда выступали и спорили, выражали свое мнение. Занятия по истории проходили в двух группах.

Мне очень нравилось учиться. После лекции задерживалась в кабинете русского языка, литературы, в фундаменталке, читала Шолохова «Поднятая целина». Образ деда Щукаря прекрасен своей простотой, лексикой, действиями. Весь наш человечный человечек.

Над курсовой работой по русскому языку задерживалась в кабинете русского языка. Несколько раз была в библиотеке Салтыкова-Щедрина.

Студенты института народов Севера на демонстрации 1-го мая

Жизнь студенческая шла своим чередом.

Мне все давалось легко. Сдав экзамены на 1 курсе, на зимние каникулы уехала домой. В Мурманске ждала 10 дней теплохода. Не давали «добро» из-за шторма. Мы все 10 дней жили в каютах. Когда приплыли в Гремиху, встретил папа на оленях, надо было ехать кругом еще 25 километров. На теплоходе ужасно качало. Зима есть зима. Как же было тепло дома после пяти месяцев разлуки. Я много каталась на лыжах со своих любимых гор, ловила куропаток, ходила с подружками в кино, на танцы, помогала маме дома.

В начале февраля 1955 года улетела на самолете в Мурманск, а там, на поезде до Ленинграда. Не хотелось расставаться с родными, подружками, которым я много рассказывала о городе, институте, занятиях и преподавателях. Ко мне взрослые относились с пониманием и любовью, так как я – студентка.

Начался второй семестр.

Я стала заниматься китайским языком, научилась читать, писать, но духу не хватило дальше работать. Много времени уходило на танцы. Наверное, больше любила эти занятия. В неделю три-четыре раза собирались в зале нашего студенческого клуба, а перед концертом каждый день с семи часов вечера до полуночи.

Выступали в Домах культуры, у себя в студенческом клубе, особенно много времени уделяли танцам перед фестивалем в Москве. В репертуаре были танцы народов Севера, ненецкие, эскимосские, русские, украинские, белорусские и другие. Много танцев разучили мы. Зал был большой, зеркальный, видно каждое твое движение.

Зеркала помогали нам исправить неправильное положение корпуса, всего тела, ног. До чего же было здорово! Неожиданно встреча произошла в Доме культуры

промкооперации, мы выступали с Эдитой Пьехой с ансамблем Броневицкого «Дружба».

Много происходило событий. В этом же Доме культуры промкооперации в перерыве между выступлениями в фойе проходили танцы, где мы встретили Эдуарда Озерова. Он служил на погранзаставе в нашей деревне Йоканьга, а сейчас, после демобилизации, ехал домой в Смоленск. Нас с подружками приглашал в гости на зимние каникулы. Поблагодарив его, мы расстались.

В своем студенческом клубе наша команда участвовала во всех праздниках. С нами выступали певцы и стихотворцы.

*Работа в колхозе в Ленинградской области,
Данилова (Миронова) Нина и Сахатина Полина, 1955 г.*

Каждую осень мы с курсом ездили на уборку картофеля в колхоз Ленинградской области, где тоже выступали. Были и на целине в Омской области. Ехали в вагонах без комфорта, называли их теплушками, спали на полках, на матрасах, дежурили по очереди, обязательно должна была быть вода в 30-литровом баке, а в вагоне – чистота.

С этим баком я чуть не осталась на остановке. Набрав воды в бак, я уже собиралась с чьей-нибудь помощью нести бочок к вагону, как увидела, как поезд потихонечку начал двигаться вперед. Я была в ужасе! Но кто-то, вероятно, нажал на стоп-кран, увидев меня ревущую.

Поезд остановился, мне помогли донести бак с водой до вагона и поднять его. Я долго не могла успокоиться. Вот так бывает.

Итак, мы поехали на целину. Проезжали леса, степи, горы. Уральские горы были великолепны. Сибирские ребята – музыканты, танцоры, брали с собой баяны. Много песен было нами спето. Мне казалось, что небо там ниже, звезды ярче, луна в ночи горела ярким пламенем.

Проезжали много больших городов, остановки были долгими, на этих остановках нас кормили. День это или ночь, объявляют «обед», берем с собой ложку, кружку и бежим сломя голову в столовую, которая ближе к железнодорожной станции. Но столовая была солдатская, где нас ждал уже борщ, каша гречневая (перловая), рисовая и компот. Поев, бежали обратно к поезду.

В Омск приехали рано утром, перегрузили на грузовые машины все наши вещи, матрасы, подушки и вперед. Трясло, пахло бензином, многим девочкам было плохо. Ночью приехали в какую-то деревню. Размещались по домам, таким маленьким и убогим, даже у некоторых крыши срослись с землей. Нам дали отдохнуть, помыться в частной бане, где грелась вода на печке с золой, так как

она была жесткая. Одевались на улице. Воочию не видела, как растет пшеница, а тут всему научили.

Разделили нас на группы. У всех было свое задание, одни цементировали дороги, другие работали на ферме, а мы с подружкой Полиной убирали хлеб. Как же мы уставали. Завтракали в поле, там же обедали и ужинали, спать ложились сразу, но кто-то ходил гулять. Ночи были темные. Проходили «балухи», так назывались танцы. Иногда танцы проходили прямо под нашим окошком, то есть у нашего дома. Деревенская молодежь веселилась от души, и наши ребята любили отдыхать с ними после работы. Что мне запомнились так это вкусные обеды и ужины. Готовила Татьяна Николаевна Шевелева, наша староста. До чего же вкусно она готовила! К тому же на столе всегда стояли большие кастрюли со сметанной и медом. Работала весь сентябрь. Заработали, наверно, хорошо, на обратном пути ехали не в теплушках, а в плацкартных вагонах.

После первого семестра на втором курсе несколько человек поехали в Москву на экскурсию. Путевки были тем, кто учился на повышенную стипендию. Жили в общежитии студенческом, там и питались. Где мы только не были: в Кремле, в Оружейной палате, в мавзолее Владимира Ильича Ленина, в соборе Василия Блаженного, в университете имени Михаила Васильевича Ломоносова, в студенческом театре.

По Москве много гуляли. Особенно долго пробыли на Красной площади. Десять дней – немного, чтобы познакомиться с таким городом как Москва. Об этом я рассказывала ребятам в колонии малолетних преступников имени Владимира Ильича Ленина, мы работали там с девчатами с других курсов помощниками воспитателей. Ими были военные офицеры перед пенсиею, они работали в колонии и в то же время занимались в институте на

курсах сдачи экзаменов. Мы им помогали при подготовке. Жалко было ребят. Они учились, работали. В свободное время проводили с ними прогулки на лыжах, вечера, даже обедали. Подготовили празднование Нового года. Делали игрушки, цепочки из бумаги и многое другое. Одни боялись ходить, так как ребята совершили побеги. Однажды на воскресенье запланировали экскурсии по Казанскому собору, очень тщательно подбирали материал, чтобы ребятам было понятно. Ждали у Собора к полудню, но никто не приехал. Мы поехали в колонию, туда час езды. Оказывается, ребята из нашего отряда открыли сейф, разбросали все бумаги (документы), а теперь, наказанные, стояли у стены и не двигались. Разочарованные мы уехали домой. Жаль, что так закончилась экскурсия.

Кроме танцев я занималась в кружке «кройки и шитья». Понимаю, дело нужное, но проймы, швы мне так надоели, что я отступила. Тем более, выкройки делала поздно вечером после занятий спортом, танцами. Я просто падала от усталости.

Перед тем, как я начала заниматься хореографией, я ходила на баян-кружок, очень нравилось. Хорошо выучила ноты, играла, умела держать баян. Чувствовала его, научилась слушать рядом играющего и весь ансамбль. Настало время выступления. У каждого должен был быть свой баян, а у меня, кроме моей стипендии, никаких других доходов не было. Родители работали в колхозе, получали мало. Пришлось отказаться от идеи стать баянисткой.

Занималась я спортом: получила 3 разряд по легкой атлетике, по спортивной и художественной гимнастике, лыжам. Занятия проходили в спортивном зале института. Особенно волновалось, когда шел экзамен по художественной гимнастике с лентами и мячом и по спортивной гимнастике на высоких и низких брусьях. На

лыжах занятия проходили на стадионе имени С.М. Кирова в Кавголове и в Васкелово.

Получила удостоверение по парашютному спорту. Занимались мы в Озерках. Там проходил инструктаж, мы учились укладывать парашют, совершать прыжки. Первый прыжок нужно было сделать с вышки высотой 80 метров, ощущение полета такое же, как с самолета. С нами занимались девчата из Дома моделей, стараясь похудеть. Одну из них еле спустили вниз. Она отказалась прыгать с высоты, страшно было.

Нашей группе разрешили прыгать с аэростата, с высоты в 500 метров. Я сразу согласилась, со мной прыгали и ребята. Всю дорогу, пока шли к аэростату, приводили всякие примеры, пугали друг друга. Но веселье прошло, когда поднялись в коробку аэростата. Мы все несли парашют весом 40 килограммов на спине.

Я заходила последняя и заняла место у прохода. Стали подниматься, все молчали. От прыжков раскачивалась коробка, которую поднимал аэростат. Дошла очередь и до меня. Прыгала последней. Инструктор спросил:

- Страшно?
- Да. Решила испытать себя.
- Приготовиться!
- Есть!
- Пошел! – Есть!

И я шагнула в пустоту, закрыв глаза. Но удар, который я ощутила, привел меня в себя, это раскрылся парашют. Смотрю вниз. Боже! Какие люди маленькие. Фалду отдаешь инструктору. Не дай Бог порыв, надо раскрывать запасной парашют под углом в 45 градусов. У меня было эйфорийное состояние от прыжка, я летела вместе с чайками. Приближалась земля очень быстро. Вспоминаю инструктаж, что ноги надо ставить под углом,

на носочки. Смотрю – внизу широкий ручей. Надо перелететь, тяну на себя передние стропы.

Я перелетела, но не успела погасить парашют, как меня окружили мальчики, погасили, собрали все, меня за руку и на командный пункт. А я так была рада. Время 10 часов вечера, 4 июля. Быстро собираюсь и бегу на трамвай. Остановка улица Халтурина. Затем мимо Марсового поля, выхожу на улицу Желябова, дом № 27, общежитие, 5 этаж, и я дома. Меня встречает подружка Тамара Валейская, моя однокурсница, со слезами на глазах.

- Что с тобой Тамара? Почему плачешь?

- Ты такая веселая, а я обзвонила все больницы, морги. Где ты была?

- Прыгала в Озерках с парашютом.

Было приятно слышать, что меня ждали. Я никогда никому не говорила, где я, куда иду, зачем. Были еще прыжки, но уже с самолета. Только не сделала ночной прыжок. Моя подружка, Маргарита, тоже прыгала с парашютом со мной. Она прыгнула с парашютом ночью и сломала ногу. Я боялась прыгать ночью, кто знает, что произойдет. Наступало лето, меня ждали дома.

Приехав на занятия, я получила удостоверение с правом ведения парашютного дела. Привезли с Озерков парашюты, деканат дал комнату. Я повесила объявление, время занятий. Занималась с ребятами, возила их в Озерки. А дальше ребята определялись сами. Там они учились складывать парашют, прыгать с вышки и аэростата.

Преподаватель Абабков читал лекции по русскому, старославянскому, современному языку.

По литературе XVIII-XIX веков лекции вела Ивойлова. Имя и отчество, к сожалению, не помню. Курсовую работу писала под руководством Рез Зинаиды. Тема курсовой работы: «Музыка в творчестве Михаила Юрьевича Лермонтова». Работа отмечена на отлично. Рез подарила

мне книгу «Методика изучения творчества М.Ю. Лермонтова в школе» с личной подписью.

Все девчонки с нашего курса боялись экзамена по политэкономии. Преподаватель был мужчина. Я, правда, ничего не понимала в этом предмете, но сдавала хорошо экзамены.

Всегда переживали друг за друга во время сдачи экзаменов. Еще раз повторюсь, курс у нас был очень дружный. Во время студенческих каникул с 25 января по 7 февраля ездили в колхозы, где мы убирали картошку, с концертами, кататься на лыжах, на коньках. Добирались на электричках, автобусах, а вечером с ребятами патрулировали по заданию студенческого комитета.

После окончания школы многие девочки, не поступив никуда, «устраивали» свою жизнь, не думая о будущем, вели легкий образ жизни. Мы их устраивали на работу, то есть давали путевку в жизнь. Но не так-то легко и быстро это можно было сделать: ходьба по предприятиям, беседы, просьбы. Вот, что значит получить путевку в жизнь. Многих устраивали работать, учиться дальше. Приходили, благодарили нас.

Как-то на перерыве ко мне подошла Тамара Сметанина, однокурсница, и сказала, чтобы я во время лекции посмотрела на первый ряд у окна и обратила внимание на человека, который смотрит в мою сторону, не сводя глаз. Я очень заинтересовалась, конечно, взглянула и увидела того, кто мне так нравился из наших ребят с курса. Помахав ему рукой во время лекции, начала слушать и делать записи. Приятно было внимание. Серьезного ничего не предприняла. Василий Кейметинов, обожаемый всеми девчонками с нашего курса, обратил внимание на меня. Это был серьезный, умный молодой человек. Высокий и статный, с темными очень кудрявыми волосами.

Незаметно для нас мы подружились, ходили в кино, в театр. Только я каждый раз предупреждала, чтобы покупал недорогие билеты в театр.

Однажды ко мне приехала подружка из Гремихи. Познакомила ее с Василием. Уж очень он понравился ей. Василий купил билеты в Мариинский театр, Ангелина ходила с ним. Это было 27 ноября 1958 года. Соня записала у меня в дневнике: «Ангел с Васей в театре, слушают, смотрят «Демона». А мы, три мушкетера, я, Нина, Валя, скучаем дома.»

Участники соревнований (студенты Института народов Севера),
в центре Данилова (Миронова) Нина

Василий был всегда занят своими научными работами, занятиями, а я – занятиями спортом, музыкой, танцами, учебой, поэтому редко удавалось встретиться.

Итак, практика.

Мы с Валей Лынкиной попали в одну группу. Вели уроки у 5-х и 8-х классов. Помню, как мы тряслись в буквальном смысле этого слова перед первыми уроками.

Готовились день и ночь, обошли все библиотеки, долго сидели в нашей фундаменталке, писали конспекты уроков, советовались с методистами, иногда все переписывали, если не соблюдали правила написания конспекта.

Ночь перед практикой, 1957 г.

Не помню, кто был руководителем нашей практики, а учителем по русскому языку и литературе была Элла Сергеевна. Классы большие, ребята хорошие, добрые, готовые помочь учителю в любой момент. Это я поняла,

когда вела урок по литературе по теме «Михаил Васильевич Ломоносов».

В конце практики проводили литературные вечера, конкурсы. Обе практики по русскому языку и литературе прошли на отлично.

На третьем курсе практика проходила в пионерском лагере в Васкелово. Очень понравилось. Ходили с ребятами в походы, плавали, готовили концерты. У меня были ребята 6-х и 7-х классов, шустрые, всезнающие.

В одно такое воскресенье наши однокурсники, еще не уехавшие домой или в лагерь отдыха, устроили вечер. Меня посадили рядом с Василием. Кругом все свои, разговаривали, шутили, песни пели, танцевали. Вечером ходили гулять по городу. Мы пошли на Дворцовую площадь к Неве, были разведены мосты. Чудно! Вася сказал, что едет домой, к родителям в Якутию, Саккырырский район, село Себян-Кюель. По окончанию практики, я тоже уехала домой.

Студенты идут на практику. На фото Лынхина Валентина, Шубин Александр, Данилова (Миронова) Нина, Попова Мария, 1958-1959 гг.

4 курс. Снова практика.

На пятом курсе мы решили с подружками отмечать наши дни рождения. Мой был первый – 23 сентября (1936 года). Собрались в комнате, накрыли стол, купили яблоки, виноград, конфеты, сделали салат из огурчиков и помидоров. Девчонки удивлялись, почему нет Василия. На занятиях его тоже не было. И вот стук в дверь, заходит Вася с букетом цветов и конфетами. Сердце мое так и замерло. Но я старалась не показывать свое волнение. Мы от души были рады, что он пришел, появился как ясно солнышко в нашей светлице. Много рассказывал о проведенных каникулах, будущем. У каждого было, что рассказать. Затем ходили на Дворцовую площадь. Долго сидели с Васей на скамеечке в аллейке перед нашим общежитием, шел разговор о том, что дальше ... Василий предупредил своих родных, что домой приедет не один после окончания института. Он как бы сделал мне предложение. Но я не поняла этого, может, не хотела понять. Я привыкла решать свои проблемы сама, здесь снова сыграл мой эгоизм: меня не спросили, а уже решили за меня. Обидно стало. Не могу сказать, что любила Василия, но он мне очень нравился, его отношение ко мне, забота, внимание были несравнимы ни с кем и ни с чем. Забота о детях, внимание к родным – это одно. А вот внимание и забота Василия меня поражала. К сожалению, я не готова была изменить свой образ жизни, свои планы на будущее. Жизнь в деревне, где я родилась, многому научила. Колхозники получали очень мало, но старались помогать детям. За 7 лет учебы родители один раз отправили мне деньги, чтобы я могла купить себе теплые вещи, что я и сделала.

Даже во сне мечтала вернуться домой, работать, помогать родителям. Мы жили в запретной зоне, нужен был пропуск для въезда, местным нет. У меня уже кроме

старых родителей были брат и сестра. Все эти мысли пролетели у меня в голове с молниеносной скоростью. Расстались хорошо, пожелав друг другу спокойной ночи. Кто знал, что скоро все изменится, что колхоза «Искра» не будет, местных жителей отправят из деревни, кого в Ловозеро, кого в Гремиху, а кто уедет к своим родным.

Снова вернусь к нашей беседе. Вася был очень внимателен ко мне, слушал каждое мое слово. Но я не дала ему конкретного ответа, и разговор о нашем будущем как-то сошел на нет.

В течение всего пятого курса мы с ним почти не встречались. Я очень боялась вернуться к этой теме. Его друг Александр Шубин рассказал, что Вася сильно переживал нашу разлуку. Однако время лечит, занятия спортом, танцами, зачеты, экзамены как бы отодвинули все на второй план.

Я не переставала думать о Васе, о его решении, но поговорить о будущем не хватало сил. Я очень жалела потом об этом. Издали видела его, но боялась подойти.

Итак, пятый курс прошел так быстро, что и не заметили. Сданы курсовые и государственные экзамены. Радость с одной стороны, грусть – с другой.

Предстоял выпускной вечер. Я очень ждала встречи с Василием. Купила себе голубое платье, туфли, колечко дешевое на пальчик. Волосы у меня светлые, я их завила. Вот весь мой наряд. Вечер проходил в нашей студенческой столовой на Мойке 48. Выпускников было много: биологи, географы, математики, химики, физкультурники, русоведы. Садились за стол, кто с кем хотел. С кем я рядом была, не помню. Все думала о Васе. Наконец, я его увидела. Как всегда, он был безупречен в своем наряде. Шел он рядом с Сашей Шубиным.

После поздравлений нашего декана и преподавателей наступила, и наша очередь поздравить и поблагодарить их.

После застолья были танцы. Музыка звучала все время, Вася пригласил меня на вальс. Танцевал он отлично, вел прекрасно. А сердце мое стучало все громче от волнения, боялась, что он услышит.

Танцы, песни, хороводы, игры. Вечер закончился поздно. Весь праздник мы были с Васей. Я рассказала ему о том, что скоро еду домой, но не в Мурманск сразу, а с заездом в Воронеж, меня там ждет сестра, у нее неприятности. Останавливаться буду в Москве. Вася был немногословен, все время улыбался. Конечно, мы с ним совершили прогулку по Невскому проспекту, Дворцовой площади, затем к Неве, успели к разведению мостов. Все это было в последний раз. Договорились с ним идти на следующий день за дипломами в институт.

У меня в дипломе кроме преподавания русского языка и литературы, написано преподавание иностранного языка (немецкого). Я очень обрадовалась. Весь 3, 4, 5 курсы я занималась на факультете иностранного языка, так как преподавания родного языка (саамского) не было. Отсутствовал преподаватель.

На прощание мы сфотографировались. Вася должен был меня провожать, но его не было. Я поняла, что он любит делать сюрпризы. Девчонки меня проводили. Поезд отправлялся 4 июля 1960 года в девять вечера. Слезы при прощании, обещание встретиться. Какое же было мое удивление, когда на перроне я увидела Василия. Он подошел к моему вагону, встречая меня. Забыла сказать, что билеты мне купил Вася. Он знал о приходе поезда, о номере вагона, потом объяснил, что решил уехать раньше, чтобы встретить меня. У него уже были куплены билеты через Москву до Якутска. Вася успел обойти все гостиницы, свободных мест не было. Мы решили с ним забронировать билеты на неделю.

В душе я была очень рада. Сдав вещи в камеру хранения и забронировав мой билет, мы пошли гулять по Москве, не думая об отдыхе. Лето, светит яркое солнце, казалось, и цветы были очень красивы. Все кругом пело и улыбалось. В ресторане пообедали. Заказ был сделан отличный. Мы были в ботаническом саду, в Соборе Василия Блаженного, на Красной площади, ближе к вечеру поехали в Малаховку, где у Васи учились земляки в спортивной школе.

Но их там не было, уехали на спортивные соревнования. Дежурная предложила комнату в своем частном доме, мы с радостью согласились. Дом был двухэтажный, располагался рядом со спортивной школой, а кругом зелень.

Комната, которую нам определили, была уютная, небольшая, с балкончиком. Был уже вечер, темновато, но аллейка, по которой мы гуляли после ужина, была освещена. Все было так интересно, хорошо, уютно рядом с Василием. После прогулки, приведя себя в порядок, легла спать. Была одна кровать. Я так и думала, что кровать для меня, а Василию хозяйка предложила раскладушку. Спала беспроблемно. Проснувшись утром, увидела такую картину: нет никакой раскладушки, Вася сидит на балконе, так стало стыдно и обидно за него. Но больше всего я обиделась на себя, какая же я невнимательная.

Позавтракав, поехали в Москву. Снова были на Красной площади, гуляли по улице Горького, заглядывали в магазинчики и большие магазины. Обедали в ресторане в отделе «восточной кухни». Оба ждали момента откровенного разговора, и он наступил.

Начала я с того, что раз нет постоянного жилья, надо уезжать. Договорились встретиться после года работы в Ленинграде, если наши чувства окрепнут, идём во Дворец бракосочетания, а потом решим, где жить и работать,

возвращаться к нему или ко мне. Мне стало так легко от этого решения. После обеда в ресторане, сняли бронь. Мой поезд отправлялся раньше, чем Васин. Он проводил меня к вагону, по пути много говорили. Ни ему, ни мне этого расставания не хотелось.

Валгinskaya Tamara, Danilova (Mironova) Nina, Kaimetinov
Vasiliy, Sakhatina Polina

Время подошло, поезд набирал скорость. Я долго стояла у окна, думала о Васиных словах, сказанных мне при расставании о дальнейшей нашей судьбе.

Судьба... От кого и чего зависит она. Говорят, человек сам вершит свою судьбу. Кто знает... об этом в продолжении.

Йоканьга

Часть вторая

фотографии из архива Н.Н. Мироновой

Компьютерная верстка ООО «БАРЕНЦ-ПРЕСС»
Подписано в печать 20.09.2017 г. Формат 60x84/16
Бумага офсетная. Усл. печ. л. 3,72
Тираж 500 экз. Заказ 826517

Отпечатано в ООО «БАРЕНЦ-ПРЕСС»
183038, г. Мурманск, ул. Октябрьская, д. 23
тел.: (8152) 42-19-91

Об авторе

Миронова Нина Николаевна родилась в 1936 году 23 сентября в деревне Йоканьга. Окончила начальную, затем среднюю школу в поселке Гремиха. С 1955 года по 1960 год студентка Ленинградского института имени А.И. Герцена. Окончила институт в 1960 году. Профессия - учитель русского языка и литературы, немецкого языка. Работала в поселке Умба.

Вышла замуж за Миронова Евгения Александровича. Имеет двух сыновей, Александра и Константина, внуков Наталью и Евгения. Воспитанию детей в школе отдала 40 лет. Ветеран педагогического труда. В настоящее время на пенсии, занимается общественной деятельностью. Н.Н. Миронова - председатель Терского отделения Ассоциации Кольских саамов, член Языкового комитета, в состав которого входят финны, шведы, норвежцы и русские саамы.